

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. М. ГОРЬКОГО БЕСПОДОБНЫЙ СЛУШАТЕЛЬ

ИЗВЕСТНО, с каким дружеским вниманием, отеческой заботой относился Алексей Максимович Горький к творчеству писателей и деятелей искусства. Каждому замеченному им таланту Горький отдавал свое время, помогал добрым советом. Вот что рассказывает о своей встрече с Горьким известная исполнительница народных песен народная артистка РСФСР Ирма Петровна Яунзем.

Память сердца бережно хранит дорогие воспоминания о дне, проведенном в гостях у Алексея Максимовича Горького на его подмосковной даче в Горках. Это было 13 июля 1935 года. Накануне мне позвонил секретарь Горького и передал просьбу писателя приехать в Горки, где в это время у него гостил Ромен Роллан, выразивший желание послушать песни народов СССР в моем исполнении.

На следующий день в два часа я и мой аккомпаниатор приехали в Горки на машине, которую заботливо прислал Горький. Дача с большой застекленной верандой стояла в парке на высоком берегу Москвы-реки. Перед домом раскинулся цветник. В вестибюле нас встретили Екатерина Павловна Пешкова с внучками Марфой и Дарьей.

Мы поднялись на второй этаж в большую комнату с белыми мраморными колоннами. Посредине ее стоял стол, накрытый белой скатертью, на нем — ваза с огромным букетом розовых пионов. Справа — роуль, слева — несколько глубоких мягких кресел и небольшой овальный стол.

Не успела я оглядеться и справиться с охватившим меня волнением от предстоящей встречи с великими художниками слова, как в дверях показалась высокая фигура Алексея Максимовича. Он быстро подошел ко мне, тепло пожал мою руку и, приглашая сесть, сказал улыбаясь: «А я вас знаю. Не раз слышал по радио и в концерте на съезде писателей». От этих слов и доброй улыбки мне сразу стало легко и просто.

Вскоре в комнату вошел и Ромен Роллан — высокий, худой, в темном костюме с белоснежным крахмальным воротничком. Роллан был нездоров, казался очень утомленным. Бледное, почти прозрачное лицо его озаряли лучистые глаза и мягкая улыбка. Вместе с Ролланом пришли его жена Марья Павловна, ее сын, невестка и ленинградская художница Валентина Михайловна Ходасевич.

Горький представил им меня. В непринужденной дружеской атмосфере завязался общий разговор. Я

немного говорила по-французски, Марья Павловна превосходно справлялась с ролью переводчицы.

Алексей Максимович попросил меня спеть. Я начала с исполнения старинного «Сказа про татарский полон», который мне особенно по душе. Как известно, мелодию этой песни Римский-Корсаков исползовал в знаменитом эпизоде «Сеча при Керженце» в опере «Сказание о невидимом граде Китеже».

Мне очень хотелось раскрыть перед своими слушателями образность, глубину содержания, напевность этого дивного народного шедевра. Все были тронуты. Горький не скрывал своих слез. Когда я кончила, Роллан взволнованно сказал: «Это самая замечательная песня про полоняночку... Я очарован проникновенностью ее исполнения».

Потом я пела записанные мной в Сибири русские народные песни, чудесную украинскую песню «Чуешь, брате мій», затем башкирскую, татарскую, грузинскую, якутскую, бурятскую, армянскую, белорусскую — в каждой из них ярко отразились национальный характер народа, его острый ум, широта души, смекалка.

Алексей Максимович оказался бесподобным слушателем. Пение захватывало его целиком. Свои чувства он выражал с обаятельной непосредственностью. Когда я пела веселые, задорные песни, он весь светился улыбкой, крутил ус или вдруг поворачивался ко мне всем корпусом, широко раскрывал руки и хлопал ладонью о ладонь.

Горький обращал внимание и на качество обработок песен. Ему особенно понравились обработки народных песен композиторов С. Василенко и М. Штейнберга.

Горький с одобрением отзывался о прозвучавших тогда впервые «Туркменской сюите» Б. Шехтера и «Таджикской сюите» Л. Книппера, отметив, что эти произведения проникнуты духом подлинно народной песенности.

Великий писатель с восторгом говорил о силе и выразительности образов песенного фольклора и народных сказов, об органической связи величайших творений русских композиторов с образами народного музыкального творчества, об огромном значении народных песен для развития советской музыки.

Обращая ко мне, Горький неоднократно сказал: «Вот Миша Шолохов знает много замечательных песен донских казаков. Надо бы свести вас с ним».

После обеда, по просьбе Горького и Роллана, я снова много пела. Я привезла с собой более пятидесяти песен народов СССР и зарубежных стран и, кажется, все их показала. И не чувствовала никакой усталости, неутомимы были и мои слушатели. А когда я исполняла на французском языке «Карманьолу» и революционную песню «Са ира», Роллан одарил меня сердечным взглядом и доброй улыбкой.

Вскоре после ужина Роллан сказал с сожалением, что должен уйти отдыхать — таково строжайшее предписание врачей, а Марья Павловна в этом отношении неутомима. Сердечно прощаясь со мной, он спросил, чем может отблагодарить меня за доставленную ему в этот вечер радость. Я ответила, что была бы счастлива иметь его фотопортрет. Через несколько минут Марья Павловна принесла мне фотографию Роллана с надписью на французском языке, которую она тут же перевела: «Ирма Яунзем в память нашего знакомства, за чудесные песни, которые она исполнила с таким непрезойденным искусством простоты и обаяния, и в память нашей встречи у нашего друга Алексея Максимовича».

За вечерним чаем оставались Горький, Екатерина Павловна, художница Ходасевич и я. Великий писатель много и увлекательно рассказывал об Италии. Он хорошо знал и любил итальянские народные песни, с большой теплотой говорил о неаполитанских рыбаках и ремесленниках.

Алексей Максимович вспомнил, как однажды он слушал в Милане, в театре Ла Скала, оперу Россини «Севильский цирюльник». В главных партиях спектакля выступали четыре иностранных артиста. Партию Дон Базилио пел Шаляпин. По установившейся в театре традиции гастролерам не разрешалось бисировать свои арии, но Шаляпин перед спектаклем заключил с друзьями пари, что он будет бисировать знаменитую «Клевету».

Театр полон. Появление Шаляпина встречено бурей аплодисментов, а когда он кончил петь, зал неистовствует от восторга. Тогда Шаляпин на чистейшем итальянском языке говорит, обращаясь к дирижеру: «Маэстро! Давайте еще раз, расскажем всем, что такое клеветал!». Поддавшись неотразимому обаянию великого русского певца, маэстро взмахнул палочкой... и Шаляпин повторяет арию.

Алексей Максимович живо интересовался моей собирательской деятельностью — он подробно расспрашивал о моих поездках, о том, как осуществляю свои записи. Горький очень удивился, когда узнал, что до того, как у меня появился в начале тридцатых годов фонограф, я записывала песни сама, что было сопряжено с большими трудностями, так как всякий раз, повторяя произведение, исполнитель практически творил новые варианты. Алексей Максимович одобрительно отнесся к моим поискам образов песенного фольклора. Рассказал, что он в 90-х годах, находясь в Поволжье, тоже записывал тексты народных песен. Горький обещал отобрать для меня некоторые из них, а при следующей нашей встрече напеть их мелодию, чтобы я смогла включить эти произведения в свой репертуар.

Алексей Максимович расспрашивал меня, как воспринимают наши народные песни зарубежные слушатели. К тому времени я уже выступала во многих странах Европы, а также в Китае, Японии и Корее.

К Горькому в Горки приезжало множество людей. Вспоминая о недавней встрече с воспитанниками Болшевской трудовой коммуны, Алексей Максимович с отеческой лаской говорил о них — ребята порадовали писателя своей художественной самодеятельностью: они пели, плясали, иррали на балалайках, декламировали. Рассказывая об этом, Горький заметил, что

участие в художественной самодеятельности способствует воспитанию людей, созданию и укреплению коллектива, и поэтому необходимо как можно шире развивать это прекрасное начинание, призванное сыграть огромную роль в эстетическом воспитании советских людей.

Разве можно передать словами, какое огромное наслаждение испытывала я от задушевной беседы с великим писателем! Чувствовала я себя с ним совсем просто, как с близким другом...

Было около полуночи, когда Алексей Максимович вышел проводить меня к машине. Передавая мне огромную охапку только что срезанных розовых пионов, он сердечно сказал: «Приезжайте, обязательно приезжайте еще! Небось опять куда-нибудь уедете надолго! Жди вас!».

Через день Горький прислал мне большой пакет. В нем я нашла его фотографию с надписью: «Замечательной мастерице интернациональной песни, талантливой Ирме Яунзем с благодарностью Максим Горький. 13 июля 1935 г.», однотомник избранных произведений с дарственной надписью, письмо и тексты четырех чудесных старинных русских народных песен, записанных писателем в 90-х годах в Нижегородской и Самарской губерниях.

В своем письме Горький писал: «Вот, Ирма Петровна, посылаю Вам обещанные песни. Если понравятся — могу прислать и еще. Очень хочется, чтобы Вы украсили Ваш богатейший репертуар и русскими старинными песнями. Сердечно благодарю Вас за прекрасный вечер. Хорошо Вы поете!».

Подлинник этого письма и оригинал портрета великого писателя я передала в дар архиву А. М. Горького при Институте мировой литературы Академии наук СССР.

Записала Р. БРАЙНИНА.